

## От автора

Это художественное произведение, основанное на рассказе одного из оставшихся в живых узников Освенцима, а не документальный отчет о событиях Холокоста. Существует много официальных материалов, в которых задокументированы факты этой ужасной истории, однако такие подробности не оправданы в романе. Я бы посоветовала заинтересованному читателю познакомиться с этими документами. Во время пребывания в Освенциме-Биркенау Лале встретил гораздо больше охранников и заключенных, чем описано в книге. Некоторые персонажи воплотили в себе черты нескольких человек, а отдельные события я упростила. Часть встреч и бесед созданы воображением автора, но в целом события описаны достоверно, именно так, как все было на самом деле. Не вызывает сомнений и полученная от Лале информация, поскольку была тщательно проверена и изучена.

## ПРОЛОГ

Лале старается не поднимать глаз. Он протягивает руку и получает клочок бумаги. Ему надлежит перенести пять цифр на руку девушки, держащей этот листок. Там уже есть номер, но он потускнел. Лале осторожно втыкает иглу в ее левую руку, делая цифру «3». Из ранки сочится кровь. Но игла вошла недостаточно глубоко, и ему приходится вновь выбивать цифру. Лале причиняет девушке боль, но она даже не вздрагивает. *Их предупредили: ничего не говорите, ничего не делайте.* Он промокает кровь и втирает в ранку зеленые чернила.

— Поторопись! — шепчет Пепан.

Лале возится слишком долго. Одно дело — наносить татуировку на руки мужчин, но уродовать тела молодых девушек — это ужасно. Подняв глаза, Лале видит мужчину в белом халате, медленно идущего вдоль шеренги. То и дело он останавливается и оглядывает лицо и фигуру какой-нибудь испуганной молодой женщины. Наконец он подходит к Лале. В то время как Лале осторожно держит руку де-

вушки, тот мужчина обхватывает ее лицо ладонями и грубо поворачивает из стороны в сторону. Лале поднимает взгляд и видит ее испуганные глаза. Ее губы шевелятся, она собирается что-то сказать. Чтобы остановить ее, Лале крепко сжимает ее руку. Она смотрит на него, и он шепчет:

— Ш-ш-ш.

Мужчина в белом халате отпускает девушку и идет дальше.

— Отлично, — шепчет Лале, принимаясь наносить оставшиеся четыре цифры: 4 9 0 2.

Закончив, он удерживает ее руку в своей на миг дольше, чем необходимо, и вновь заглядывает ей в глаза. И выдавливая из себя робкую улыбку. Она чуть заметно улыбается в ответ. Ее глаза как будто пляшут перед его взором. Глядя в эти глаза, он чувствует, что у него остановилось сердце, но в тот же миг оно начинает сильно биться, едва не выпрыгивая из груди. Он опускает глаза в землю, и она качается под ним. Ему протягивают следующий листок бумаги.

— Лале, поторопись! — нетерпеливо шепчет Пепан.

Он вновь поднимает глаза, но ее уже нет.

# ГЛАВА 1

*Апрель 1942 года*

Грохочущий вагон идет по сельской местности. Лале стоит с поднятой головой и думает о своем. Ему двадцать четыре года. Сосед время от времени сонно тычется ему в плечо, но Лале не отталкивает его и не обращает на него внимания. Он всего лишь один из несметного числа молодых людей, которых закинули в вагоны, предназначенные для перевозки скота. Не имея представления о том, куда их поведут, Лале оделся как обычно — отутюженный костюм и свежая белая рубашка с галстуком. Это его правило: всегда одеваться с иголочки.

Он пытается оценить габариты своей тюрьмы. Ширина вагона примерно два с половиной метра. Но ему не виден конец вагона, и он не в состоянии прикинуть длину. Вглядываясь в бесчисленные подскакивающие головы, он пытается сосчитать своих попутчиков, но в конечном итоге отказывается от этой затеи. Он не знает, сколько всего вагонов в составе. У него болят ноги и спина. Лицо чешется. Щетина напоминает, что он не мылся и не брил-

ся уже два дня, с тех пор как их посадили в вагоны. В душу закрадывается тревога.

Когда соседи пытаются втянуть его в разговор, он подбадривает их, стараясь обратить страх в надежду. *Мы попали в дерьмо, но давайте постараемся не захлебнуться в нем.* Он слышит произнесенные вполголоса оскорбительные замечания по поводу своей внешности и манер. Обвинения в происхождении из высших слоев общества.

— А теперь смотри, куда тебя это завело.

Он пытается не придавать значения этим словам и с улыбкой встречает пристальные взгляды. Некоторые толкают его, когда он проходит мимо. Приходится самому отвоевывать себе место.

— Как ты можешь быть таким спокойным? — говорит сосед. — У них винтовки. Эти подонки наставили на нас винтовки и загнули в эту... эту скотовозку.

— Я тоже не этого ждал, — улыбается ему Лале.

— Куда, по-твоему, мы едем?

— Не имеет значения. Просто помни: мы сейчас здесь для того, чтобы наши родные остались дома в безопасности.

— Но что, если...

— Никаких «если». Я не знаю, ты не знаешь, никто не знает. Просто будем делать то, что нам велят.

— Может быть, попытаться захватить их на стоянке, ведь нас намного больше?

Бледное лицо молодого человека искажается злобой. Он трогательно размахивает перед собой сжатыми кулаками.

— У нас кулаки, у них винтовки. Кто, по твоему, победит в этой драке?

Молодой человек умолкает. Он упирается плечом в грудь Лале, и Лале ощущает исходящий от его волос запах жира и пота. Руки парня падают и повисают вдоль тела.

— Я Арон, — говорит он.

— Лале.

Люди вокруг прислушиваются к их разговору, а потом вновь погружаются в молчаливую задумчивость, уходят в свои мысли. Общее у всех них — это страх. И молодость. Лале пытается не думать, что ждет их впереди. Ему сказали, что его везут на работу для немцев и он будет заниматься именно этим. Он думает об оставленных дома родных. *Они в безопасности.* Он принес себя в жертву и не жалеет об этом. Он сделал бы это снова и снова, лишь бы только родные, любимые люди оставались дома вместе.

Похоже, каждый час люди задают ему одни и те же вопросы. Потеряв терпение, он начинает говорить:

— Подожди, и увидишь.

Почему спрашивают именно его? У него нет никаких особых сведений. Да, он в костюме и галстукe, но больше он ничем от других не отличается. *Мы все в одной гребаной лодке.*

В переполненном вагоне им даже не пристать, а тем более не прилечь. Уборной служат два ведра. По мере их наполнения пленники начинают потасовку, стараясь отодвинуться подальше от источника вони. Ведра переворачиваются, и содержимое выливается. Лале прижимает к себе саквояж, надеясь, что его деньги и одежда помогут ему откупиться от неприятностей или, по крайней мере, обеспечить себе безопасную работу. *Может быть, ему пригодится знание языков.*

Он радуется, что удалось пробраться к стене вагона. Через щели в досках он видит обрывки проносящихся мимо сельских пейзажей. Крошечные порции свежего воздуха помогают подавить приступы тошноты. Должно быть, сейчас весна, но целыми днями из нависших облаков льет дождь. Время от времени они проезжают мимо полей, расцвеченных весенними цветами, и Лале улыбается. Цветы. С детства он усвоил от матери, что женщины их любят. Когда в следующий раз он сможет подарить девушке цветы? Он впитывает в себя эти мелькающие перед глазами яркие пятна — целые поля маков, колышущихся под ветром, алое море. Он обещает себе, что следующий букет цветов, подаренный кому-то, соберет сам. Ему никогда не приходило в голову, что цветы растут в природе в таком огромном количестве. Мать выращивала цветы в саду, но никогда не срезала их и не приносила в дом. Он начинает мысленно состав-

лять список необходимых дел: «Когда я вернусь домой...»

Завязывается очередная потасовка. Шарканье ног, крики. Лале не видит происходящего, но чувствует, как корчатся и толкаются тела. Потом наступает тишина. Из сумрака доносятся слова:

— Ты его убил.

— Повезло мерзавцу, — бормочет кто-то.

*Бедный ублюдок.*

*Жалко, если моя жизнь тоже закончится в этой вонючей дыре.*

\* \* \*

В этом путешествии много остановок — одни на несколько минут, другие на несколько часов, всегда за пределами города или деревни. Изредка Лале удастся прочитать название станции, мимо которой они проносятся: Острава, город, который, как он знает, находится вблизи границы между Чехословакией и Польшей, затем Звардонь, Дзедзице и Данковице, и это подтверждает, что они в Польше. Вопрос, на который нет ответа: где они остановятся? Большую часть времени Лале предается воспоминаниям о жизни в Братиславе: его работа, его квартира, его друзья и в особенности его подруги.

Состав снова останавливается. Кругом крошечная тьма; облака полностью закрыли луну и звезды. Предвещает ли эта тьма их будущее? *Вещи таковы, каковы они есть. То, что*



*я вижу, чувствую, обоняю в данный момент.* Он видит лишь подобных себе — молодых людей, едущих в неизвестность. Он слышит урчание пустых животов и хрип пересохших гортаней. Он чует вонь мочи и фекалий, как и запах давно не мытых тел. Пленники используют себе во благо даже то, что их не выпускают из вагона поспать и им не надо отвоевывать себе кусочек дерна. Уже не одна голова прислонилась к Лале.

Из задних вагонов, постепенно усиливаясь, доносится громкий шум. Терпение людей лопнуло, и они делают попытку вырваться. Соседи Лале просыпаются от грохота тел, бросающихся на деревянные стены вагона, и от шума опрокинувшегося туалетного ведра. Вскоре все вагоны раскачиваются, атакуемые изнутри.

— Помоги нам или уйди с дороги! — кричит Лале крупный мужчина, бросаясь на стенку.

— Не трать понапрасну силы, — отвечает Лале. — Если бы эти стены можно было проломить, то неужели корова не сумела бы этого сделать?

Сердито повернувшись к нему, несколько мужчин прекращают свои попытки.

Они обдумывают его замечание. Поезд мчится вперед. Может быть, ответственные лица решили, что движение остановит беспорядки. Люди в вагонах успокаиваются. Лале закрывает глаза.

Лале вернулся в дом родителей в Кромпахи в Словакии, когда узнал, что евреев из маленьких городков собирают и отправляют работать на немцев. Он знал, что евреям больше не разрешали оставаться на своих рабочих местах и на их предприятия был наложен арест. Почти четыре недели он помогал по дому, ремонтировал мебель вместе с отцом и братом, мастерил новые кровати для маленьких племянников, выросших из колыбелей. Его сестра была швеей и единственная из всей семьи имела заработок. Ей приходилось тайком уходить на работу до рассвета и возвращаться затемно. Ее начальник был готов рисковать ради лучшего работника.

Однажды вечером она вернулась домой с плакатом, который ее хозяина попросили вывесить в витрине мастерской. Там было изложено требование, чтобы каждая еврейская семья предоставила отпрыска старше восемнадцати лет для работы на германское правительство. Разговоры вполголоса, слухи о происходящем в других городах наконец достигли Кромпах. Казалось, словацкое правительство продолжало идти на уступки Гитлеру, давая ему все, что он хотел. Плакат жирным шрифтом предупреждал о том, что если семья имеет такого отпрыска и не сдаст его, то вся семья будет отправлена в концентрационный лагерь. Макс, старший брат Лале, сразу же

сказал, что поедет он, но Лале не хотел даже слышать об этом. У Макса жена и двое маленьких детей, он нужен дома.

Лале написал в администрацию Кромпахи и предложил, чтобы его отправили на работы. Чиновники, с которыми он имел дело, были его приятелями: они вместе ходили в школу и знали семьи друг друга. Лале было велено поехать в Прагу, заявить о своем прибытии властям и ждать дальнейших распоряжений.

\* \* \*

Через два дня состав для перевозки скота снова останавливается. На этот раз снаружи большая суматоха. Лают собаки, выкрикиваются команды на немецком, отодвигаются заборы, двери вагонов с лязгом отодвигаются.

— Выходите из вагонов, оставьте свои вещи! — кричат солдаты. — Скорей, скорей, поторопитесь! Оставьте вещи на земле!

Поскольку Лале был в глубине вагона, он выходит одним из последних. Подойдя к двери, он видит тело убитого в потасовке мужчины. На миг прикрыв глаза, Лале в короткой молитве поминает погибшего. Потом спрыгивает из вагона, унося на себе зловоние, пропитавшее одежду, кожу, каждую клеточку его существа. Приземлившись на согнутые колени, он упирается руками в гравий и несколько мгновений стоит согнувшись. Задыхаясь. Чувствуя ужасную усталость и сильную жажду. Медленно поднявшись, он оглядывается

по сторонам и видит сотни испуганных мужчин, пытающихся осмыслить происходящее перед их глазами. Собаки вцепляются в тех, кто мешкает. Многие люди спотыкаются, мышцы отказываются работать после нескольких дней вынужденной неподвижности. У тех, кто не желает расставаться со своими вещами или просто не понимает команд, силком выхватывают чемоданы, связки книг, жалкие пожитки. Людей бьют прикладом винтовки или кулаком. Лале рассматривает немцев в военной форме. Черные, угрожающего вида. Двойной зигзаг молнии на воротнике френча подсказывает Лале, с кем он имеет дело. СС. В других обстоятельствах он оценил бы пошив, качество ткани, точность кроя.

Он ставит свой саквояж на землю. *Как они узнают, что этот — мой?* С дрожью он понимает, что вряд ли снова увидит саквояж или его содержимое. Он прикасается рукой к сердцу, к деньгам, спрятанным в кармане пиджака. Подняв глаза к небу, вдыхает свежий прохладный воздух, напоминая себе, что его, по крайней мере, выпустили из вагона.

Звучит выстрел, и Лале вздрагивает. Перед ним, направив оружие в небо, стоит офицер СС.

— Шевелись!

Лале оглядывается на опустевший поезд. Одежда разлетается во все стороны, книги шлепают страницами. Подъезжают несколько грузовиков, и из них выпрыгивают мальчиш-

ки. Они хватают оставленные пожитки и швыряют их в кузов. На Лале наваливается тяжесть. *Прости, мама, они забрали твои книги.*

Люди устало плетутся к маячащим впереди грязно-розовым кирпичным зданиям с большими окнами. У входа растут распускающиеся по весне деревья. Проходя через открытые металлические ворота, Лале поднимает голову и видит выкованные из металла слова на немецком.

ARBEIT MACHT FREI.

*Труд освобождает.*

Он не знает, где находится или какой работой будет заниматься, но мысль о том, что она его освободит, представляется ему неудачной шуткой.

СС, винтовки, собаки, отобранные вещи — он не мог себе такого вообразить.

— Где мы находимся?

Лале поворачивается и видит рядом с собой Арона.

— Я бы сказал: у последней черты. — (Лицо Арона вытягивается.) — Просто делай, что говорят, и будешь в порядке.

Лале понимает, что это звучит весьма неубедительно. Он бегло улыбается парню, и тот улыбается в ответ. Лале мысленно велит себе следовать собственному совету. *Делай, что говорят. И всегда наблюдай.*

Загнанных за ограждение мужчин выстраивают в шеренги. Во главе шеренги Лале за небольшим столом сидит заключенный с измож-

денным лицом. На нем куртка и штаны в сине-белую вертикальную полоску, с зеленым треугольником на груди. За ним стоит офицер СС с винтовкой на изготовку.

Собираются тучи. В отдалении гремит гром. Люди ждут.

К группе подходит старший офицер в сопровождении солдат. У него квадратная челюсть, тонкие губы и глаза под густыми черными бровями. Форма офицера скромнее по сравнению с формой тех, кто сопровождает его, однако поведение выдает в нем начальника.

— Добро пожаловать в Освенцим!

Лале, не веря своим ушам, слышит эти слова, слетающие с почти неподвижных губ. Его оторвали от семьи, перевозили, как животное, и теперь он в окружении вооруженных до зубов эсэсовцев, а ему говорят: добро пожаловать! Добро пожаловать!

— Я — комендант Рудольф Хёсс. Я — начальник здесь, в Освенциме. На воротах, через которые вы только что прошли, начертано: «Труд освобождает». Это ваш первый и единственный урок. Усердно работайте. Делайте то, что вам велят, и станете свободными. В случае неповиновения будут плохие последствия. Здесь вас регистрируют, а потом отправят в ваш новый дом — Освенцим-два Биркенау.

Комендант скользит взглядом по лицам людей. Он вновь начинает говорить, но его слова заглушает мощный раскат грома. Хёсс

глядит на небо, бормочет что-то себе под нос, отмахивается от людей и, повернувшись, уходит прочь. Охрана поспешно следует за ним. Топорный спектакль, но пугающий.

Начинается регистрация. Лале смотрит, как к столам подталкивают первых заключенных. Он стоит далеко и не слышит коротких реплик, а лишь видит, как сидящие в робах записывают сведения и вручают каждому заключенному квитанцию. Наконец наступает очередь Лале. Он должен назвать свое имя, адрес, род занятий и фамилии родителей. Изможденный мужчина за столом аккуратным витиеватым почерком записывает ответы Лале и передает ему клочок бумаги с номером. За все время мужчина ни разу не поднимает глаз.

Лале смотрит на номер: 32407.

Он бредет вместе с толпой к другим столам, за которыми сидит другая группа заключенных с зелеными треугольниками на груди, а рядом стоят эсэсовцы. Лале мучает невыносимая жажда, он изможден, но с удивлением замечает, как у него выхватывают тот клочок бумаги. Офицер СС стаскивает с Лале пиджак, отрывает от рубашки рукав и прижимает его левую руку к столу. С недоумением он наблюдает, как сидящий за столом заключенный одну за другой выбивает на его коже цифры 32407. Деревяшка с прикрепленной к ней иглой двигается быстро, причиняя боль.

Потом мужчина берет тряпицу, смоченную в зеленых чернилах, и грубо втирает их в ранку Лале.

Нанесение татуировки заняло лишь несколько секунд, но для потрясенного Лале время как будто остановилось. Он сжимает свою руку, уставившись на цифры. *Как может кто-то сотворить такое с другим человеческим существом?* Неужели остаток его жизни — короткий или длинный — будет отсчитываться от этого момента, от этого числа 32407?

Толчок прикладом винтовки заставляет Лале очнуться. Он поднимает с земли пиджак и, спотыкаясь, входит вслед за прочими в большое кирпичное здание со скамьями вдоль стен. Это напоминает ему гимнастический зал школы в Праге, где он ночевал пять ночей перед путешествием сюда.

— Раздевайтесь!

— Быстрее, быстрее!

Эсэсовец отрывисто выкрикивает команды, которые большинство не понимает. Лале переводит для стоящих рядом, и те передают дальше.

— Оставьте одежду на скамье. Найдете ее на месте после душа.

Мужчины из группы снимают брюки и рубашки, пиджаки и ботинки, сворачивают грязную одежду и аккуратно складывают ее на скамейки.



Лале предвкушает мытье, но понимает, что, вероятно, не увидит больше своих вещей и спрятанных в них денег.

Он снимает одежду и кладет ее на скамью, но его переполняет гнев. Из кармана брюк он достает плоский спичечный коробок — напоминание о прошлых удовольствиях. Украдкой бросает взгляд на ближайшего к нему офицера — тот смотрит в сторону. Лале чиркает спичкой. Это, возможно, последнее проявление его свободы воли. Он подносит горящую спичку к подкладке пиджака, прикрывает его брюками и торопливо встает в очередь к душевым. Через несколько секунд у него за спиной раздаются крики:

— Пожар!

Лале оборачивается и видит, как в попытке выбраться из помещения голые мужчины расталкивают друг друга, в то время как офицер СС пытается сбить пламя.

Он не успел еще добраться до душевой, но уже ощущает дрожь. *Что я наделал?* Несколько дней он поучал всех вокруг, чтобы не поднимали голову, никому не возражали, и вот теперь сам сорвался и устроил в здании чертов пожар. Нет сомнения, что с ним случится нечто ужасное, если кто-нибудь укажет на него как на поджигателя. *Глупо! Глупо!*

В душевом блоке он успокаивается, начинает глубоко дышать. Сотни дрожащих мужчин стоят плечом к плечу под струями холодной

воды. Откидывая голову назад, они самозабвенно пьют эту воющую воду. Многие пытаются скрыть смущение, прикрывая руками гениталии. Лале смыкает с тела и волос пот, сажу и вонь. Вода с шипением выходит из труб и барабанит об пол. Когда вода перестает литься, двери в раздевалку открываются, и люди без команды подходят к тому, что теперь заменило их одежду, — к старой русской военной форме и ботинкам.

— Прежде чем одеваться, вы должны сходить к парикмахеру, — ухмыляясь, говорит офицер СС. — На улицу — быстро!

И снова мужчины выстраиваются в шеренги. Один за другим они подходят к заключенному, стоящему на изготовку с бритвой. Когда подходит очередь Лале, он садится на стул, с прямой спиной и высоко поднятой головой. Офицеры прохаживаются вдоль шеренги, тыча в раздетых заключенных прикладами, осыпая их оскорблениями и злобно гогоча. По мере того как ему наголо сбривают волосы, он еще больше выпрямляет спину и выше поднимает голову, не вздрагивая, когда лезвие задевает кожу черепа.

Толчок в спину дает понять, что с ним покончили. Он идет в шеренге в душевой блок, где присоединяется к поиску одежды и деревянных башмаков подходящего размера. Вся одежда грязная и заляпанная, но ему удается найти более или менее сносные башмаки, и он

рассчитывает, что выбранная русская форма подойдет. Одевшись, он, повинуясь приказу, выходит из здания.

Темнеет. Он долго идет под дождем в нескончаемой шеренге людей. В вязкой грязи ноги с трудом отрываются от земли. Но он продолжает упорно тащиться вперед. Некоторые идут из последних сил или падают на четвереньки. Их ударами заставляют подняться. Тех, кто не может, пристреливают.

Лале пытается отодрать тяжелую промокшую одежду от тела. Кожа чешется и зудит, и запах влажной шерсти и грязи возвращает его в поезд для перевозки скота. Лале поднимает голову к небу, стараясь проглотить как можно больше дождевой воды. Эта вода кажется ему сладкой, она — лучшее, что у него было за много дней. Жажда ослабляла его, затуманивала зрение. Он жадно пьет воду. Сложив ладони чашечкой и причмокивая, иступленно пьет. В отдалении он видит прожектора, окружающие обширную территорию. В его полубредовом состоянии они кажутся маяками — сверкающими, мерцающими под дождем, показывающими дорогу домой. Они зовут: «Иди ко мне. Я дам тебе убежище, тепло и еду. Не останавливайся». Но, пройдя через ворота, на этот раз не несущие никакого послания, не обещающие свободу в обмен на тяжелый труд, Лале осознает: сверкающий мираж пропал. Он просто оказался в другой тюрьме.

За этим двором теряется в темноте территория другого лагеря. По заборам поверху протянута колючая проволока. На сторожевых вышках Лале видит эсэсовцев с автоматами, дула которых направлены на него. В ближайший забор ударяет молния. *Проволока под током*. Слабые раскаты грома не заглушают звук выстрела, падает еще один человек.

— Наконец добрались.

Лале поворачивается и видит: к нему проталкивается Арон. Насквозь промокший, измазанный. Но живой.

— Угу, похоже, мы дома. Ну и видок у тебя.

— На себя посмотри. Считаю, что я — это зеркало.

— Спасибо, не надо.

— Что теперь будет? — спрашивает Арон, совсем как ребенок.

\* \* \*

Идя в плотном потоке, каждый показывает руку с татуировкой офицеру СС. Тот стоит у входа в здание и записывает номера на планшете. Лале и Арона сильно толкают в спину, и они оказываются в блоке 7, большом бараке с трехъярусными нарами вдоль стены. В барак загоняют десятки мужчин. Они толкаются и отпихивают друг друга, стараясь занять место получше. Везучим или напористым достается одно место на двоих или троих. Лале не повезло. Они с Ароном залезают на верхние нары, уже занятые двумя другими заключенными.